

Н. А. Григорьян, А. И. Ройтбак

ТРУДНЫЕ ГОДЫ АКАДЕМИКА И.С. БЕРИТАШВИЛИ (1948—1956)

1947 г. и начало 1948 г. были периодом больших научных достижений и успехов Ивана Соломоновича Бериташвили и его школы: в Издательстве АН СССР вышли два тома его знаменитого руководства «Общая физиология мышечной и нервной систем», в Издательстве АН ГССР — 8-й том трудов возглавляемого им Института физиологии, который занимал к тому времени одно из лидирующих положений в области электрофизиологического изучения мозга; состоялись I Гагрские беседы — новая для советской физиологии симпозиальная форма обсуждения научных проблем. Наконец, в 1947 г. одновременно в Тбилиси и Москве увидела свет брошюра И. С. Бериташвили «Об основных формах нервной и психонервной деятельности» (на русском языке — Издательство АН СССР, 114 с., на грузинском — Грузмедгиз, 124 с.), в которой были обобщены результаты 20-летних экспериментальных исследований И. С. Бериташвили и его учеников и выдвигалась новая концепция высшей нервной деятельности. Согласно этой концепции, наряду с условнорефлекторной деятельностью, открытой И. П. Павловым, существует другой, более высокий вид высшей нервной деятельности, основанный на возникновении в мозге образов внешнего мира — психонервная деятельность; иначе говоря, по И. С. Бериташвили, поведение высших позвоночных животных регулируется образами внешнего мира.

Ничто, казалось бы, не предвещало приближения самого, вероятно, критического момента для И. С. Бериташвили и его школы, непосредственной причиной которого послужила указанная брошюра.

На основе материалов главным образом из фонда акад. И. С. Бериташвили мы осветим трагическую страницу в истории нашей физиологии сквозь призму событий трудного десятилетия в его жизни.

Первые критические статьи, носящие явно тенденциозный характер, появились в мае 1948 г. (Э. Г. Вацуро, В. К. Федоров). С критикой книги И. С. Бериташвили выступил также Ю. А. Жданов (1948), который причислил Бериташвили «к тем явным или скрытым идеалистам, которые борются против павловского материалистического учения».¹ В сентябре того же года на Первом Закавказском съезде физиологов Х. С. Коштоянц говорил об идеологических ошибках книги. Как свидетельствует письмо И. С. Бериташвили К. М. Быкову от 2 октября 1948 г., вопрос об его книге должен был обсуждаться на заседании Президиума АН СССР, в связи с чем Бериташвили писал Быкову следующее: «Многоуважаемый Константин Михайлович! Та шумиха, какая поднялась в настоящее время вокруг моей книги: „Об основных формах нервной и психонервной деятельности“ принудила меня еще раз пересмотреть содержание этой книги и выступить

с объяснениями по поводу критики: с какими критическими замечаниями я согласен, а с какими нет и почему. Так как вопрос об этой книге будет стоять на заседании Президиума Всесоюзной Академии наук, то я решил ознакомить Вас с этими объяснениями, ибо Вы являетесь единственным действительным членом АН СССР, который может по должному оценить мою книгу.

Копию этой объяснительной записки я послал также Н. Н. Аничкову и С. И. Вавилову.

Есть тенденция рассматривать материалистическое учение Павлова о высшей нервной деятельности единственным материалистическим учением, непогрешимым и универсальным. Забывается та азбучная истина, что всякое знание относительно и нет такой экспериментальной области знания, которая бы не развивалась далее и была вполне застрахована от дальнейшего количественного и качественного развития, т. е. возникновения новых направлений, новых теоретических концепций.

Под влиянием этой критики на мою книгу, здесь в Тбилиси потеряли голову, особенно после статьи Жданова в газете „Культура и жизнь“. Все обвинения этой газеты огульно повторяются на заседаниях и никакие мои объяснения не помогают, не принимаются во внимание. В Тбилиси — в Институте физиологии АН ГССР и на кафедре физиологии университета — создалась в это время угрожающая для грузинской физиологической школы обстановка, охарактеризованная одним из нас.²

По-видимому, Президиум АН СССР счел уместным перенести обсуждение книги на заседание Московского физиологического общества. Заседание было назначено на 24 октября 1948 г. Однако, как видно из письма Бериташвили, адресованного председателю Московского физиологического общества И. П. Разенкову, заседание было отложено и не состоялось. «Дорогой Иван Петрович, — писал Бериташвили Разенкову 27 октября 1948 г. — Я готов был утром 22 вылететь, причем решился на это несмотря на болезнь — фурункул в носу с температурой, но пришла телеграмма от академика Н. Н. Аничкова о том, что предложенное заседание физиологического общества 24 X откладывается на ноябрь. Довольно-таки странно: заседание, назначенное его председателем И. П. Разенковым, откладывается по распоряжению президента Медицинской академии? Я это понял так: был такой приказ свыше, и Вы, Иван Петрович не сочли откладывание целесообразным, а потому предоставили Н. Н. Аничкову самому распорядиться.

Однако это только моя догадка. Я прошу Вас толком разъяснить всю историю. От этого зависит, приеду ли я в ноябре на аналогичное заседание или нет».³

В дневниковой записи,⁴ возвращаясь снова к этому вопросу, Бериташвили 6 ноября 1948 г. писал: «Мой доклад на Московском физиологическом обществе, касающийся дальнейшей стадии развития моих концепций о поведении и психике, был переложен на неопределенное время» (там же).⁵ Письмо свидетельствует о готовности Бериташвили к научной дискуссии, но «верхи» готовили нечто иное. 1949 год был юбилейным — в стране широко отмечалось столетие со дня рождения И. П. Павлова. Специальные научные сессии проходили в Тбилиси и в других городах Грузии. В своем выступлении на Юбилейной сессии АН ГССР совместно с Тбилисским университетом, Медицинским институтом и Грузинским обществом физиологов, биохимиков и фармакологов Бериташвили сказал: «Мы, научные сотрудники Института физиологии АН ГССР и кафедры физиологии Тбилисского университета, многим обязаны творчеству Павлова. Мы начали свою работу по исследованию индивидуально приобретенной, условнорефлекторной деятельности центральной нервной системы, опираясь на установленные им факты, пользуясь его исследовательскими методами.

Он создал... из ничего грандиозный отдел физиологии — учение об условных рефлексах, о высшей нервной деятельности. Он внес в психологию и психопатологию естественно-научные, физиологические методы исследования».⁶

28 июня 1950 г. открылась печально известная «Павловская сессия двух академий», многие участники которой подвергли академика Бериташвили резкой критике (А. Г. Иванов-Смоленский, Э. А. Асратян, П. С. Купалов, А. А. Зубков, Г. Ф. Александров, Б. В. Павлов, К. С. Абуладзе и др.). Бериташвили критиковали как «подпевалу буржуазным ученым» (с. 107), за «моргановские взгляды» (с. 189),⁷ за искажение взглядов Павлова.

В постановлении сессии констатировалось: «Академик И. С. Бериташвили с давних пор ведет непрерывную борьбу против идейных основ учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, не встречая должного отпора со стороны большинства представителей советской физиологии. Не случайно антипавловская деятельность академика И. С. Бериташвили поддерживается представителями реакционной науки».⁸

Вслед за сессией по проблемам учения И. П. Павлова (1950 г.) разгромом научных школ в физиологии занялся специально созданный «Научный совет» (1950—1956),⁹ деятельность которого остается малоизвестной. На его многодневных заседаниях шло целенаправленное глумление над учеными. Академики Л. А. Орбели и И. С. Бериташвили, прошедшие через «павловский совет», единодушно в его оценке. «Наибольшие затруднения в развитии моей работы после Объединенной сессии, — писал Орбели, — были созданы ведущими членами Научного совета — академиками К. М. Быковым (председатель), проф. А. Г. Ивановым-Смоленским (зам. председателя) и проф. Э. Ш. Айрапетянцем (ученый секретарь)... Они сослужили плохую службу советской науке, введя в заблуждения общественное мнение Президиумов обеих Академий, а тем самым Партию и Правительство».¹⁰ В своем выступлении по отчету Центрального совета Всесоюзного физиологического общества в октябре 1956 г. академик Бериташвили сказал: «Говорят, что Павловский совет находился при Президиуме АН СССР, поэтому VIII съезд не имел права касаться этого учреждения. Но ведь за отчетный период больше всего повредил советской физиологии этот Павловский совет».¹¹ 10—12 апреля 1951 г. под председательством акад. К. М. Быкова в Москве состоялась очередная, IV сессия пресловутого совета. Первое утреннее заседание 11 апреля 1951 г. было посвящено заслушиванию академика Бериташвили, вопросам и ответам. Большинство спрашивало у докладчика, отказывается ли он от своей антипавловской концепции — учения о психонервной деятельности.

Утреннее заседание 12 апреля 1951 г. было посвящено обсуждению доклада Бериташвили, в котором приняли участие К. М. Быков, Л. Н. Федоров, Х. С. Коштоянц, М. Н. Ливанов, В. С. Русинов, А. Н. Леонтьев, А. Г. Иванов-Смоленский. Стенограмма этих выступлений составляет более 120 страниц машинописи; мы читали завизированный авторами экземпляр, в нем отсутствует выступление Гедеванишвили, копия которого имеется в архиве одного из нас (А. Р.). Мы остановимся на наиболее «ярких» выступлениях, выделяющихся своей демагогичностью.

Л. Н. Федоров говорил о «методологическом, политическом тупике» Бериташвили. Отказавшись от рефлекторной теории, Бериташвили «неизбежно скатился к субъективной идеалистической зоопсихологии и является ее представителем». Быков выражал возмущение успехом доклада Бериташвили на Международном конгрессе физиологов в Оксфорде (1947). «В Оксфорде мы были свидетелями, — говорил Федоров, — что концепция о психонервной деятельности Бериташвили встретила горячее сочувствие, в частности, у американских физиологов, причем этих ученых не устраивает павловское направление, а вот та поправка к Павлову, которую сделал Бериташвили, их полностью удовлетворила, т. е. ревизионистское направление, которое проводил И. С., получило значительную поддержку, ибо идейные корни были одни и те же. Наши враги хвалят И. С., значит, выходит, что он с ними шел против Павлова... Иван Соломонович не случайно так поступает, он не учитывает, что есть две науки: одна наука, которая

служит буржуазии, другая наука, которая служит социализму... Он проявляет космополитические тенденции».¹² Задержку обсуждения итогов «Павловской сессии» в Тбилиси Федоров считал политическим актом. Айрапетянц, говоря о «перевороте в науке, сделанном партией», призывал к активному противостоянию Бериташвили и развиваемой им концепции, которую он объявил лжеучением. А против лжеучений, как известно, следует «бороться со всей страстью. Мы должны прийти к выводу,¹³ что это идеализм, и мы должны сделать все выводы по поводу... лжеучения».

«Подкрепляют ли в самом деле наши психологи воззрения Ивана Соломоновича? Я должен ответить категорически нет», — говорил А. Н. Леонтьев. «Бериташвили, — продолжал Леонтьев, — сослался на коллективный учебник по психологии, в котором я редактор и автор. Но этот учебник написан за три года до павловской сессии и там есть целый ряд ошибочных положений, от которых мы полностью отказались.

Нельзя говорить об образе, образной памяти у животных... Но у животных, даже у высших, не существует и не может существовать никаких субъективных, инспекционных явлений, иначе говоря, никаких переживаний, переживаемых явлений...

Поэтому и зоопсихология, понимаемая как ее понимает буржуазная наука, как наука о субъективных явлениях, невозможна. Такой науки не может быть по отсутствию самого предмета ее».¹⁴

«Я хочу заострить внимание членов совета, — говорил Д. М. Гедеванишвили, — на следующем обстоятельстве: не только вся концепция акад. Бериташвили отвергает учение Павлова, но и отдельные положения этой концепции, которые как бы чисто физиологическим путем решают те или другие вопросы, тоже отвергают учение Павлова... Наконец, положение акад. Бериташвили о том, что репродукция представления может происходить под влиянием активных составных начал крови или даже просто метаболитов гормонов... Здесь акад. Бериташвили смыкается с представлениями лжеучения Штерн <...> что такое метаболиты? Ведь метаболиты в конце концов есть продукт обмена веществ, который поддерживается притоком крови. А вот что говорит по этому поводу тов. Сталин: „Еда, форма еды не меняется. И в старину люди так же ели, разжевывали, переваривали пищу, как и теперь, а идеология все время меняется. Мыслимо ли, чтобы то, что не меняется, определяло собой то, что все время меняется“. Конечно, идеологию нельзя путать с сознанием, это разные вещи, но никакая идеология невозможна без сознания. А если сознание может возникнуть на основе действия этих веществ, метаболитов, на корковые клетки, то ясно, что и идеология может меняться от них».¹⁵ Эта попытка противопоставить взгляды Бериташвили взглядам Сталина представляла особую опасность.

Существенно заключительное слово, в котором Бериташвили вынужден был (это несомненно было насилием над собой) признать, что его концепция о психонервной деятельности «не является материалистической, поскольку она оперирует психологическими понятиями... Я пытался создать новое учение о психонервной деятельности, — продолжал Бериташвили, — и был уверен в его правильности, очевидно, это произошло потому, что я переоценил свои познания в марксистской методологии и свое умение применять ее на практике в своих теоретических рассуждениях... Я думаю, буду в состоянии перестроить себя в такой мере, чтобы в дальнейшей работе быть заодно со всей павловской советской физиологией».¹⁶ Но спустя три месяца в письме К. М. Быкову Бериташвили писал: «Три месяца прошло после апрельского заседания Научного совета по проблемам физиологического учения акад. И. П. Павлова, где я признал разработанную мною концепцию о психонервной деятельности животных идеалистической и обещал впредь все поведенческие акты изучать и объяснять без учета психики, т. е. исключительно в рамках известных закономерностей рефлекторной деятельности.

Размышляя по этому поводу в эти три месяца, а также попытавшись осуществить на деле данное обещание, я пришел к убеждению, что не в состоянии оправдать полностью данное мною обещание. Я опять пришел к заключению, что сложные формы поведения высших позвоночных животных, если они не являются автоматизированными, натренированными движениями, не могут быть объяснены без учета психических переживаний, без учета субъективного отражения внешнего мира».¹⁷

Научный совет 13 апреля 1951 г. принял постановление, утвержденное Президиумом АН СССР, в котором осуждались «порочные установки» Бериташвили о психонервной деятельности, его антипавловские позиции. Совет счел необходимым направить в Тбилиси авторитетную комиссию физиологов «для организации и проведения широкого обсуждения ошибок Бериташвили».¹⁸

Под усиленным давлением «павловского совета» спустя месяц, 16 мая 1951 г. в Тбилиси состоялось объединенное заседание Отделения биологических и медицинских наук АН ГССР, Грузинского физиологического общества и Научного совета при Министерстве здравоохранения ГССР. В резолюции собрания резко осуждалась концепция Бериташвили о психонервной деятельности, а также деятельность Отделения биологических и медицинских наук, Грузинского физиологического общества и Научного совета Министерства здравоохранения ГССР за запоздалое, несвоевременное обсуждение итогов Объединенной сессии. Вопреки резолюции, как свидетельствует дневниковая запись, «настроение публики, а также Президиума, всецело было на моей стороне, — писал Бериташвили. Когда Брегадзе закончил речь с указанием на мои научные заслуги, последовал гром аплодисментов. Тогда же Николай Иванович Мухелишвили, улыбаясь, заметил, что Брегадзе взял правильное направление.

Я ушел успокоенный с заседания».¹⁹ Вместе с тем Бериташвили был озабочен нерабочим настроением сотрудников, тем, что критика его школы не кончилась. В бессонные ночи Бериташвили обдумывал вопрос о преподавании физиологии в университете по новой программе. Согласно постановлению Объединенной сессии следовало «пересмотреть программы по физиологии для университетов, педагогических и ветеринарных вузов и сельскохозяйственных вузов, а также программы основных медицинских дисциплин, перестроив соответствующие курсы на основе павловской физиологии».²⁰ «Я обдумал мое поведение в следующем учебном году, — писал Бериташвили 20 мая 1951 г. — Или я должен похерить свою индивидуальную программу преподавания общей физиологии и свой учебник общей физиологии, по которым я учил в нашем университете ровно 30 лет — начать преподавание по официальной программе и по общепринятому учебнику; или же, если я не в состоянии вести преподавание по новому курсу, тогда расстаться с преподаванием, уйти в отставку. Я решил поговорить об этом во вторник с ректором. Я не способен преподавать по чужой программе...».²¹

Между тем в общей печати, а также в специальных журналах появились статьи против Бериташвили. В «Медицинском работнике» (1951. 14 июня) опубликована была статья философа С. А. Петрушевского, в «Литературной газете» (1951. № 46) — высокопоставленного философа Г. Ф. Александра. В последней говорилось, что И. С. Бериташвили «ушел в болото идеализма», «отступил от основ материализма и ленинской теории отражения», «заменяет науку фикцией», что его деятельность «отличается спекулятивностью в науке и бесплодием в практике, наносит вред советской науке». Физиолог Л. Г. Воронин поместил в «Физиологическом журнале СССР» (1951. Т. 37, № 3. С. 261—272) статью под названием «Против антипавловской концепции акад. И. С. Бериташвили». В ней он пишет: «Около 35 лет И. С. Бериташвили занимался не столько изучением индивидуально приобретенной деятельности, сколько враждебной деятельностью, направленной против учения И. П. Павлова. И совершенно ясно, что его „принудило“ к этим занятиям не противоречие между общей физиологией и учением И. П. Павлова, а противоречие между идеалистическими воззрениями Шерринг-

тона с его последователями и материалистическим учением И. П. Павлова. В борьбе между ними Бериташвили занял место не на стороне Павлова, а на стороне его идейных противников. „Заслуга” Бериташвили в борьбе против материалистического учения И. П. Павлова неоднократно отмечалась в зарубежной печати. В частности, американский реакционер и бизнесмен от физиологии Фултон не без удовольствия называет фамилию советского физиолога Беритова наряду с фамилиями зарубежных противников Павлова». Он говорит о трех периодах деятельности акад. И. С. Бериташвили. «Третий период, после 1947 г., характерен тем, — пишет Л. Г. Воронин, хорошо понимая почти неминимые последствия этого обвинения, — что под влиянием все нарастающего возмущения научной общественности, нашедшего яркое выражение в критике позиций Бериташвили на объединенной сессии двух академий, Бериташвили изменил форму борьбы против Павлова и путем признания ряда павловских терминов пытался завуалировать идеалистическую природу своей концепции».

В ответ на статью Л. Г. Воронина Бериташвили пишет обстоятельную статью, показывающую несостоятельность основных критических замечаний Воронина, направленных как против концепции, так и всей научно-исследовательской деятельности Бериташвили.²² Уверенный в том, что «Физиологический журнал» не напечатает ответ на критику Воронина, Бериташвили в письме на имя президента АН СССР А. Н. Несмеянова 24 ноября 1951 г. писал, что неосновательность многих замечаний Воронина настолько очевидна, что возникает мысль о целенаправленности статьи: дискредитация ученого. «Я уверен, — писал Бериташвили, — что не в интересах советской науки незаслуженная дискредитация советского ученого, да еще действительного члена нескольких академий Советского Союза. Поэтому я решил критически рассмотреть основные производные утверждения Л. Г. Воронина и представить на ознакомление хотя бы тем руководящим работникам, которые глубоко заинтересованы в правде насчет советского ученого, научная и педагогическая деятельность которого почти в течение 30 лет поощрялась Партией и Правительством.

Посылая эту статью Вам, я главным образом рассчитываю на то, что ознакомившись с ней, Вы сможете составить более правильное мнение о ценности моей научной деятельности в области условнорефлекторной деятельности и о моем отношении к учению И. П. Павлова и на этом основании поддержите мое желание о реабилитации в глазах общества путем опубликования данной статьи. Копию ее посылаю в „Физиологический журнал СССР” с просьбой для публикации».²³ Письмо аналогичного содержания было послано также академику-секретарю отделения биологических наук академику А. И. Опарину.

Деятельность «павловского совета» была осуждена на первом же после Объединенной сессии Всесоюзном съезде физиологов (1955, май, Киев). В Постановлении VIII съезда Всесоюзного физиологического общества как существенный недостаток в работе Центрального совета Общества отмечался «ряд извращений... со стороны павловского научного совета».²⁴ Однако, как показывают архивные материалы, активные деятели этого совета (Быков, Айрапетянц, Иванов-Смоленский) упорно сопротивлялись, не желая взглянуть на содеянное, нести ответственность за свою погромную деятельность; любыми путями они пытались сорвать резолюцию съезда, но это им не удалось.

Драматическая судьба концепции о психонервной деятельности свидетельствует, что причины Объединенной сессии 1950 г. следует искать в общеполитической ситуации в стране — сессия явилась лишь отражением этой ситуации в конкретной области науки.

С обличительных статей в центральной прессе (в 1948 г.) началась официальная идеологическая и политическая травля Бериташвили. «Социально-политическая» уязвимость его концепции заключалась в ее оригинальности, в отходе от классического догматического понимания условнорефлекторной теории. Для партийного руководства и догматиков в науке было неприемлемо инакомыслие Бериташвили.

Если в 20—30-х гг. научные дискуссии, идейные споры, столкновения школ и мнений (например, между Орбели и Бериташвили по проблемам синаптической иннервации поперечнополосатых мышц) составляли нормальную жизнь науки, то к концу 40-х в физиологии насаждалось бесплодное и бесперспективное единомыслие.

Пытаясь повлиять на изменение научной атмосферы в стране, академик П. Л. Капица 15 декабря 1955 г. писал Н. С. Хрущеву: «Не только бесполезно, но крайне вредно декретировать научные истины, как это другой раз делал Отдел науки ЦК и особенно часто, когда им руководил Ю. Жданов. Научная идея должна родиться и окрепнуть в борьбе с другими идеями, и только таким путем она может стать истиной. Когда прекращают эту борьбу, достижения науки превращаются в догмы и развитие науки прекращается».²⁵

Напрашивается аналогия судеб трактатов И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (1863) и И. С. Бериташвили «Об основных формах нервной и психонервной деятельности» (1947). Сеченов был объявлен нигилистом, проповедником материализма и нравственной распущенности. Бериташвили был объявлен идеалистом, буржуазным космополитом и антипавловцем. Как известно, идеи И. М. Сеченова стали активно разрабатываться в отечественных лабораториях, что привело в начале XX в. к созданию науки об условных рефлексах. Следует отметить, что сейчас, в преддверии XXI в., стала активно разрабатываться идея о наличии у животных наряду с обучением, основанным на выработке условных рефлексов, второго вида обучения, основанного на возникновении образов (Л. Скуайр,²⁵ М. Мишкин, Т. Эппенцелер,²⁷ см. также обзор: Т. Натишвили²⁸) — идея, за которую И. С. Бериташвили был подвергнут чуть ли ни остракизму.

Сессия «двух академий» и ее детище в форме уродливого Научного совета нанесли колоссальный ущерб физиологической науке. Вопреки элементарному здравому смыслу огромное количество дней и часов было потрачено в пустых заседаниях, в словословиях в верности учению Павлова. Лицемерие, демагогия и «организационные выводы» были основными инструментами его «деятельности». Совет целенаправленно осуществлял политику отчуждения отечественных физиологов от мирового научного сообщества.

Авторы выражают глубокую благодарность Этери Ивановне Абазадзе за предоставленную возможность использовать материалы Архива АН ГССР.

Примечания

¹ Культура и жизнь. 1948. 21 сентября.

² *Ройтбак А. И.* // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1988. № 4. С. 152.

³ Архив АН ГССР, № 150.

⁴ Там же.

⁵ Дело в том, что одновременно готовилось обсуждение (точнее, осуждение) деятельности акад. Л. С. Штерн, и Московское физиологическое общество просто не успело справиться с заданиями, возложенными на него сверху. В мае 1948 г. под видом реорганизации и передачи Физиологического института, возглавляемого Штерн, в Ленинград, К. М. Быкову, по существу был ликвидирован институт, основанный Штерн в 1929 г. Осенью того же, 1948 г., в Москве, в Анатомической аудитории 1-го Московского медицинского института проходило двухдневное заседание Московского общества физиологов, биохимиков и фармакологов, посвященное научной деятельности Штерн. Участник этого заседания, известный советский патоморфолог Я. Л. Рапопорт пишет о том, в какой атмосфере шло заседание. «Оно без всякого сомнения было инспирировано свыше. При общей политической ситуации в стране никто не решился бы без риска для себя взять ответственность за организацию такого обсуждения, а по существу общественного суда над академиком, членом КПСС, да и не смог бы его организовать без одобрения свыше. Самодеятельность здесь не допускалась в какой бы то ни было форме» (*Рапопорт Я. Л.* На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 241—242).

⁶ *Бериташвили И. С.* Труды. Тбилиси, 1984. С. 180—184.

⁷ Научная сессия АН СССР и АМН СССР, посвященная проблемам физиологического учения акад. И. П. Павлова (28 июня — 4 июля 1950 г.). Стеногр. отчет. М., 1950.

⁸ Там же.

⁹ Научный совет по проблемам физиологического учения акад. И. П. Павлова АН СССР.

¹⁰ Вопр. истории естествознания и техники. 1988. № 4. С. 151—152.

¹¹ Архив АН ГССР, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 21/2, л. 1.

¹² Там же, № 71/1/5, л. 71—77.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, ф. 12, оп. 1, № 77/1/6, л. 78—87.

¹⁵ Личный архив А. И. Ройтбака.

¹⁶ Архив АН ГССР, № 74, л. 94—95.

¹⁷ *Бериташвили И. С.* Труды. С. 673.

¹⁸ Физиол. журн. СССР. 1951. Т. 37. № 1. С. 127—128.

¹⁹ Архив АН ГССР, ф. 12, оп. 1, № 150. Запись 17 мая 1951 г., л. 8—11.

²⁰ Стеногр. отчет... С. 525—526.

²¹ Архив АН ГССР, ф. 12, оп. 1, № 150.

²² Ответ И. С. Бериташвили опубликован посмертно под названием «Разъяснение по поводу критических замечаний Л. Г. Воронина» (*Бериташвили И. С.* Труды. С. 655—672).

²³ Архив АН ГССР, ф. 12, оп. 1, № 3/12а.

²⁴ Физиол. журн. СССР. 1956. Т. 42. № 6. С. 530.

²⁵ Знамя. 1989. № 5. С. 205.

²⁶ *Squire L.* Mechanisms of memory // Science. 1986. Vol. 232, № 4758. P. 1612—1619.

²⁷ *Мишкин М.* Анатомия памяти // В мире науки. 1987. № 8. С. 30—41.

²⁸ Физиология поведения. Л., 1987. С. 524.